

Чувственный уровень репрезентирования реальности

1.1.1. Некоторые доминирующие в современной психологии представления

§ 1. Об основной парадигме когнитивной психологии

Предлагаемая вниманию читателей книга не опирается на собственные экспериментальные исследования автора, хотя в ней учитываются и даже обсуждаются многие психологические эксперименты. **Книга является результатом интроспекции, которая, по моему мнению, остается незаслуженно забытой, что не идет на пользу психологии.**

Надо с сожалением признать, что современная психология, основным научным направлением которой считается сегодня когнитивизм, уступила многие свои важнейшие области (например, учение о понятиях и концептах, о вербальных конструкциях, о механизмах мышления и т. д.) другим, смежным наукам (лингвистике, семантике, информатике, науке об искусственном интеллекте, логике и даже философии). Она фактически не занимается сейчас психической феноменологией, что реально тормозит развитие представлений о человеческой психике.

Главной причиной этого можно назвать то, что **когнитивизм — полонправный и достойный наследник бихевиоризма. Формально признавая наличие психических феноменов, он не готов согласиться с тем, что именно они являются непосредственно рефлекслируемой каждым человеком и субъективно очевидной для него формой выражения человеческого разума¹.** Когнитивизм неправильно понимает роль психи-

---

¹ «Разум... — понимание — качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей сре-

ческих явлений, а потому и занимается ими во вторую очередь, отдавая приоритет материальным процессам, протекающим в мозге.

Он по-прежнему пытается объяснить человеческий разум, используя электрофизиологические и биохимические процессы, и полностью игнорирует тот факт, что проявления разума легко прослеживаются в психических явлениях. Нет даже смысла расценивать это в качестве недостатка когнитивизма, потому что **он не психология, а психофизиология или, точнее, физиологическая психология**. Он безуспешно, но настойчиво пытается продолжать строительство «объективной» психологии, отказываясь признавать и принимать то, что в принципе не может быть «объективного» изучения такого предельно субъективного и недоступного экспериментальным методам исследования объекта, как сознание и его феномены.

Когнитивизм не готов принять то, что **нейрофизиологические и нейрохимические процессы в мозге при всей их важности соотносятся с психикой совершенно неясным пока образом и их влияние на принятие рациональных решений и на разумное поведение опосредовано психикой**. Следовательно, эти материальные процессы не могут прямо объяснить человеческий разум. По крайней мере, они не могут быть использованы для этих целей сейчас, когда сами психические феномены в когнитивной психологии плохо очерчены и недостаточно четко определены, так как не являются для нее приоритетным предметом исследования.

Казалось бы, бог с ней, с когнитивной психологией. В психологии много направлений, поэтому можно развивать альтернативное, признающее главную роль за психическим явлением. И если оно докажет свою эффективность, то и замечательно. Однако не все так просто. Когнитивизм — это не только одно из направлений психологии. Это главное направление, претендующее на то, чтобы не просто доминировать в психологии, но подобно бихевиоризму в XX в. заменить собой эту науку.

Безусловно, странно было бы сомневаться в необходимости и важности изучения материальных процессов, протекающих в мозге, однако они не могут заменить психику. Кстати, ни нейрофизиологи, ни нейропсихологи еще не связали ни одного конкретного психического феномена с конкретными формами материальной мозговой активности, то есть с нейрофизиологическими или биохимическими феноменами. Впрочем, в рамках когнитивизма подобную связь и невозможно установить хотя бы потому, что для этого надо в дополнение к нейрофизиологическим возможностям иметь еще детально разработанную психическую феноменологию, которой когнитивизм не имеет, так как ею никогда не занимался.

дой» (Разум [Электронный ресурс] Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Разум>).

Несмотря на то что гуманитарные науки уже тысячи лет обсуждают ведущую роль суждений, умозаключений, мыслей, мнений и выводов, то есть конструкций из понятий в рассудочной, разумной деятельности человека, современная когнитивная психология не готова принять эти очевидные, казалось бы, факты. Она по-прежнему фактически рассматривает психику как феномен, лишь сопровождающий работу мозга, ответственную за человеческий разум. В любом случае как что-то вторичное и гораздо менее существенное, чем мозг.

Между тем **наличия психических феноменов вполне достаточно для объяснения разумного человеческого поведения и разума вообще.** В отличие от мозга они не требуют для этого введения дополнительных сущностей. Анализируя их динамику, можно, например, легко проследить процесс принятия человеком решения. Удивляет то обстоятельство, что огромная группа когнитивных психологов предпочитают не обращать внимания на содержание собственного сознания и не замечать того, что их собственные мысли являются очевидной демонстрацией наличия у них разума.

Думаю, это объясняется в первую очередь невозможностью исследовать мысли «объективно», так как сведения о них можно получить лишь благодаря дискредитированной бихевиоризмом интроспекции. Однако если мы хотим заниматься психологией, а не изучением поведения, даже разумного, то никаких других прямых методов изучения человеческих психических репрезентаций больше нет и лишь интроспекция является ключом к нашему разуму.

Представляется более чем странным, что исследователи, которые не верят в значимость феноменов собственного сознания применительно к предмету своего научного интереса — психологии, целиком и полностью полагаются на эти же феномены в собственной повседневной жизни. Вне своей профессиональной деятельности они ежесекундно принимают в расчет эти «ментальные эпифеномены», «сомнительность» которых не побуждает их, однако, усомниться, например, в реальности репрезентируемого ими окружающего мира. Эти исследователи не сомневаются также в разумности и здравости собственных психических построений (состоящих из психических феноменов) и разумно действуют, исходя из них. Причем мысли о самих себе и своих переживаниях, возникающие у них в процессе рефлексии и самонаблюдения, не кажутся им ни ничтожными, ни бессмысленными, несмотря на «эпифеноменальность» этих их психических явлений.

Феномен сохранения необихевиоризма в когнитивной психологии просто удручает. Возможно, сильнейшим аргументом в пользу отказа когнитивистов от признания определяющей роли психических феноменов является для них то, что в отрыве от нейрофизиологической мозговой активности психика как бы висит в воздухе. Она не имеет очевидных всем точек

соприкосновения с мозговым субстратом в том смысле, что ни один конкретный психический феномен нельзя прямо и однозначно причинно-следственно связать с конкретными материальными процессами в мозге. Но это не отменяет их безусловной субъективной реальности, а главное, никак не влияет на очевидность их связи с разумом и с разумным поведением.

В процессе ознакомления с работами когнитивистов складывается впечатление, что для них психология началась только с XX в., с бихевиоризма, который воспринимается ими не как наука о поведении, лишь имеющая определенное отношение к психологии, а как важная часть современной психологии. И это несмотря на то, что многие представители когнитивизма неоднократно декларировали свое отмежевание от бихевиоризма. Впрочем, одних заявлений недостаточно. **Для преодоления бихевиоризма мало утверждать, что он ошибочен, следует радикально поменять базовые психологические концепты и теории.**

Необходим отказ от основополагающих бихевиористских в своей основе взглядов на психику и методы ее исследования, а этого как раз и не наблюдается. Недаром само признание большинством исследователей одного лишь факта наличия ментальных образов сопровождалось грандиозной многолетней дискуссией в когнитивной психологии и целой революцией в мировоззрении большинства когнитивистов в последней четверти XX в.

Учитывая последнее обстоятельство, даже если когнитивизм сделает своей основной задачей поиск соответствий между нейрофизиологическими процессами в мозге и психическими феноменами, ему предварительно придется всерьез заняться изучением психической феноменологии, которой он внимания не уделяет. Невозможно результативно соотносить материальные процессы в мозге с плохо дифференцированными и недостаточно внятно описанными психическими феноменами. Впрочем, у нас пока нет особых оснований полагать, что когнитивизм вообще займется психическими явлениями, так как до сих пор он не особенно стремился к этому.

Между тем в классической психологии конца XIX в. странно было бы даже дискутировать по поводу наличия психических образов. Оно было для психологов очевидным и совершенно бесспорным. Так же как то, что прямой доступ к психическим феноменам возможен лишь путем интроспекции — наблюдения собственных психических феноменов. Большинству исследователей было понятно, что эксперименты могут играть в психологии лишь вспомогательную роль, ибо без результатов интроспекции в психологии нет и не может быть самого предмета исследования.

Радикальный бихевиоризм изъясил из психологии предмет исследования — психику. Он декларировал, что за человеческий интеллект ответственна нейрофизиологическая активность мозга, психические же феномены не важны. Они лишь сопровождают эту основную, материальную мозговую активность в качестве ее вторичных и несуществен-

ных проявлений — пара- или эпифеноменов. **Когнитивизм**, формально отказавшись от этих крайних утверждений, по сути, стоит на сходных, пусть и существенно модифицированных, позициях. Его **следует** поэтому **отнести к методологическому бихевиоризму**¹.

Я не сомневаюсь в том, что роль физических и химических процессов, протекающих в мозге и обеспечивающих функционирование человеческого сознания и разумное поведение человека, важна и бесспорна. Смешно было бы это отрицать. Тем не менее из важности их роли не следует, что именно процессы в мозге ответственны за наличие у человека разума². Если встать на позиции редукционизма, то нельзя не признать, что за человеческий разум и интеллект³ в не меньшей степени ответственна, на-

¹ «Методологический бихевиорист допускает, что психические явления и процессы — это реальность, однако считает, что они недоступны научному изучению. Научные факты, говорит методологический бихевиорист, должны быть публичными и открытыми явлениями, такими как движения планет или химические реакции, которые могут наблюдать все исследователи. Сознательный опыт, однако, неизбежно оказывается сугубо личным и внутренним; интроспекция может его описать (часто неточно), но не способна сделать его публичным и открытым для всеобщего обозрения. Следовательно, чтобы стать наукой, психология должна заниматься изучением только публичного и открытого поведения и отвергнуть интроспекцию. Отсюда сознание, несмотря на всю свою реальность и привлекательность, с методологической точки зрения не может быть предметом научной психологии. Метафизический бихевиорист высказывает еще более радикальное утверждение: точно так же, как физические науки отвергли демонов, духов и богов, показав мифичность их существования, так и психолог должен отвергнуть — как мифические — психические явления и психические процессы.

Это вовсе не означает, что такие ментальные понятия, как “идея”, лишены всякого смысла (хотя это может быть так), ведь и понятие “Зевс” также не является совершенно бессмысленным. Мы можем описать Зевса и объяснить, почему люди верили в него, не утверждая при этом, что имя “Зевс” имеет отношение к чему-то, что когда-либо существовало. Сходным образом, говорит этот радикальный бихевиорист, мы можем описать условия, при которых люди используют “идею” или любое другое ментальное понятие, объяснить, почему они верят в то, что обладают разумом или душой (психикой), и при этом утверждать, что “идея”, “разум” и подобные понятия не имеют отношения к чему-либо, что существует в реальности, за исключением, пожалуй, определенных действий и определенных стимулов. Следовательно, поскольку нельзя исследовать то, что не существует (психика), психология должна быть бихевиористской: все, что реально существует, — это поведение. ...Основными видами необихевиоризма являются формальный Б., включая логический Б. и целевой (или когнитивный) Б.; неформальный Б.; радикальный Б. Все они, за исключением последнего, — формы методологического Б.; радикальные бихевиористы стоят на позициях метафизического Б.» (см.: Т. Г. Лихи, 2006, с. 60).

² Я вполне отдаю себе отчет в том, что понятие *человеческий разум* обозначает всего лишь плохо понятный, аморфный конструкт. То же следует сказать в отношении понятия *интеллект*. Одной из проблем когнитивной психологии как раз и является отсутствие эффективной и разработанной психической феноменологии и терминологии.

³ «Интеллект (от лат. intellectus — “ощущение”, “восприятие”, “разумение”, “понимание”, “понятие”, “рассудок”) — качество психики, состоящее из способности адаптироваться к новым ситуациям, способности к обучению на основе опыта, пониманию и применению абстрактных концепций и использованию своих знаний для управления окружающей

пример, работа сердца, кишечника, других органов, даже просто наличие определенного уровня глюкозы в крови. Без них не могло бы быть никакой мозговой активности, а в результате — и самого человеческого интеллекта. Несомненно, мозг играет основную роль в обеспечении функционирования человеческого сознания. *Но что дает психологии констатация данного обстоятельства? Это как-то приближает нас к пониманию сущности нашего разума и его процессов?* Нет.

Мне поэтому представляются правильными посылки, которые исходят из классической психологии XIX в.

1. **Собственные психические явления (или феномены) — это самая очевидная и бесспорная реальность, какая только может существовать для человека. Они не менее очевидны для него, чем внешний мир, хотя бы потому, что они же его и репрезентируют.**
2. **Психические явления репрезентируют нам окружающую нас «реальность в себе», состояние нашего тела и даже содержание нашего сознания, то есть самих себя.**
3. **Психические явления не только составляют содержание человеческого сознания, но и само сознание только в них и проявляется; без или вне психических феноменов человеческий разум, любая человеческая интеллектуальная активность невозможны; психические явления и есть единственный субстрат и форма выражения человеческого разума, и именно они, а не некая материальная мозговая активность ответственны за него.**
4. **Психические явления непосредственно доступны самонаблюдению в процессе интроспекции и могут быть изучены в интроспективном эксперименте.**
5. **Без интроспекции психолог в большинстве случаев просто не в состоянии сформулировать гипотезы, подлежащие проверке в психологическом эксперименте, так как у него нет материала для их конструирования; эксперимент в психологии лишь подтверждает или отвергает теории, обычно выстраиваемые исследователями на основании интроспекции.**
6. **Человеческий разум проявляется в форме сменяющих друг друга в сознании последовательностей психических феноменов — мыслей, которые доступны рефлексии.**
7. **Безусловно, материальные «объективные» процессы в мозге важны, но они обеспечивают лишь появление психических феноменов,**

средой. Общая способность к познанию и решению трудностей, которая объединяет все познавательные способности человека: ощущение, восприятие, память, представление, мышление, воображение» (Интеллект [Электронный ресурс]: Википедия: свободная энциклопедия. — Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Интеллект>).

то есть обеспечивают субъективно очевидные проявления человеческого разума, которые и должна изучать психология. Все разговоры о якобы разумной мозговой активности или об ответственных за человеческое рациональное и разумное поведение процессах в мозге — не более чем редукционизм, приносящий психологии вред.

Наличие и особенности разума у объекта, как предполагают многие исследователи, могут быть установлены внешним наблюдателем по признакам, проявляющимся в поведении объекта. Однако внешнему наблюдателю недоступна психика в качестве объекта исследования. Он изучает не ее, а совершенно другой объект — поведение организма, по изменениям которого делает опосредованные выводы о психике. И, как нам демонстрируют успехи современной робототехники, эти внешние поведенческие признаки легко могут ввести наблюдателя в заблуждение.

Когнитивистскую психологическую литературу переполняют необычные и причудливые объекты, которые нельзя отнести ни к психике, ни к физиологии. Это объясняется тем, что, уйдя из классической психологии в психологию физиологическую, когнитивизм еще и смешивает психологическую и физиологическую плоскости анализа функционирования человека. В результате он рассматривает и описывает не психические феномены, а некие мифические конструкты исследователей, обозначаемые, например, понятиями *паттерны, сигналы, формы, стимулы*¹ и т. д. и т. п.

Не вызывает сомнений необходимость попыток соотнесения психологии с нейрофизиологией. Но столь же очевидно, что **на современном уровне развития науки невозможно связать психическое и физиологическое, а потому исследователям не следует пытаться их причудливо объединять в собственных теориях и рассуждениях.** Безусловно, одно неразрывно связано с другим и они мощно влияют друг на друга. Но у нас нет пока ни способов, ни возможностей для изучения их реальных связей, поэтому **недопустимо смешивать физиологические и психологические понятия, конструируя из них некие странные и нежизнеспособные гибриды.**

Даже весьма уважаемые мною исследователи, которых можно рассматривать уже как классиков когнитивизма, пишут, например, не о психических феноменах, а о неких «схемах репрезентации, полностью лишенных чувственной основы» (см.: Л. Барсалу, 2011, с. 127), о «перцептивных символах, представляющих собой активацию группы связанных друг с другом нейронов» (с. 131) и т. п. Наличие нейрофизиологической и нейрохимической активности нейронов в головном мозге очевидно и не вызывает

¹ Везде в книге примеры понятий, концептов и вербальных конструкций я выделяю курсивом. В выделенных курсивом предложениях они, наоборот, напечатаны обычным текстом.

возражений. *Но при чем здесь символы?* Символ появляется только в сознании. В физиологии и нейрохимии нет и не может быть символов. Там только электрохимические процессы.

Психические явления в противовес этим причудливым конструктам каждый человек легко может наблюдать в собственном сознании. Они есть, и, несмотря на свою мимолетность и бесплотность, они абсолютно реальны для любого человека. Главное, они понятны и вполне доступны ему, в отличие, например, от некоей якобы «представленной в мозге информации»¹ (см.: С. М. Косслин, 2011, с. 98) или якобы существующих в мозге «физических наглядных репрезентаций» (с. 101). Подобные странные конструкты можно было бы списать на неточности изложения и перевода или на увлеченность исследователей, если бы они не отражали общую позицию когнитивизма.

В когнитивизме, например, общепринятый и широко используемый для обозначения конкретных психических феноменов психологический термин «репрезентации» может применяться почему-то для обозначения электрофизиологических феноменов и компьютерных моделей электрической активности мозга — «мозговых карт». А психические образы почему-то сопоставляются с компьютерными изображениями участков мозга, отличающихся повышенной активностью. И между этими разными явлениями проводятся непонятные аналогии.

Какое отношение мозговое картирование может иметь к ментальным образам? Ответу: такое же, например, как и пики на электроэнцефалограмме, или вызванные потенциалы, или даже колебания уровня гормонов в крови и моче, то есть никакого. Все это столь же «информативно» для анализа и понимания психических феноменов, как, например, цвет волос и рост больного для установления ему диагноза или средняя температура по больнице как показатель эффективности лечения в ней.

На данном этапе развития психологии психические и физиологические феномены необходимо исследовать, не отдавая предпочтения ни тем ни другим, но уж никак не исключая психическую феноменологию из сферы интересов психологии. Психическое содержание сознания не нуждается для доказательства своего существования в физиологическом подкреплении и подтверждении. Достаточно просто обратить внимание на собственные мысли. И в очередной раз повторю, что нельзя успешно изучать связи плохо выделенных и нечетко определенных феноменологически психических явлений с мозговыми структурами и процессами.

---

¹ Информация — одна из многочисленных сущностей ОПР. Это совокупность психических феноменов, или некое психическое содержание, репрезентирующее людям какой-то аспект «реальности в себе». Данное психическое содержание потенциально доступно передаче от одного человека к другому с помощью языковых конструкций или других знаковых систем.

Психические феномены легко доступны каждому человеку в процессе интроспекции. Они ему более или менее понятны. К тому же они легко трансформируются в человеческую речь, а чужая речь, в свою очередь, будучи воспринятой человеком, легко трансформируется в психические явления его сознания. Кроме и вместо психических феноменов нет ничего ответственного за появление и функционирование человеческого разума и того, в чем разум может выражаться столь очевидно для самого человека. Однако бихевиористское наследие не позволяет принять несомненный факт того, что именно и только психические феномены и есть основной и важнейший предмет, который психология должна и может изучать. Изучать потому, что лишь они представляют собой единственную форму проявления и существования человеческого разума. Разума, так же доступно интроспекции, как внешний мир доступен наблюдению исследователя.

Изучать психические феномены можно и нужно в первую очередь с помощью интроспективного наблюдения и описания собственных психических явлений. Хотя, как пишет К. Лоренц (2012), «...многие ученые часто выражают недоверие и плохо скрываемое пренебрежение, когда... исследование начинается с наблюдений и описаний, вместо обращения к экспериментальным методам и определению понятий в стиле, который называют “точным” и “научным”. Никому из подобного рода теоретиков не приходит в голову, что Ньютон и Кеплер открыли законы движения небесных тел исключительно на основе наблюдений и описаний, не проведя ни единого эксперимента. Тем более им невдомек, что эти методы привели к открытию принципов, гораздо менее доступных экспериментальной проверке, чем закон всемирного тяготения, — принципов, которыми руководствуется наше собственное морально-этическое поведение. Итак, путь к человеческому самопознанию остается напрочь заблокированным» (с. 96).

Человек в процессе интроспекции легко регистрирует собственные мысли. Многие из них он затем экстерииоризирует, то есть высказывает в виде слов во время коммуникации с другими людьми. Только психические феномены отображают нашу интеллектуальную деятельность и связаны с ней совершенно очевидным образом. Исключительно в виде психических феноменов выражаются и существуют не только человеческий разум, но и репрезентированные в них же «объективный» физический мир и «субъективный» внутренний мир.

Еще раз повторю, что нет человеческого разума в виде некоей якобы бессознательной разумной физиологической или электрохимической активности мозга. Его нет без и вне психических феноменов. Разум проявляется не только в форме разумного поведения, но в первую очередь в форме упорядоченных последовательностей психических феноменов, которые возникают в человеческом сознании и очевидны для каждого человека.

Однако данный факт для современного когнитивистского методологического бихевиоризма по-прежнему неочевиден.

Психические феномены доступны интроспекции и представляют собой преимущественно чувственные образы, понятия и конструкции из них. При этом их самих по себе вполне достаточно для понятного и убедительного психологического объяснения функционирования человеческого разума. **Взаимосвязанные психические феномены, наблюдаемые интроспективно, являются для каждого индивидуума, с одной стороны, субъективным доказательством наличия у него разума и сознания. С другой стороны, они же суть проявления самого разума и сознания.** Более того, **никакого другого разума и сознания без этих психических феноменов или вместо них у человека просто нет.**

Собственные психические явления мы всегда осознаем, хотя и не всегда столь же хорошо понимаем. Они доступны нам и как репрезентации реальности, и как объекты нашего самонаблюдения. Чудесно то, что мы способны не только переживать их в своем сознании, то есть мыслить, но и рефлексировать по поводу своих мыслей. Это позволяет нам описывать и обдумывать не только воспринятое в окружающем мире, но и переживаемое в собственном сознании в процессе интроспекции. Мы способны делать это так же, как делали люди сто и тысячу лет назад. И для объяснения разума нет необходимости создавать надуманные и лишние конструкты. Мы просто можем наблюдать за подтверждающими нам наличие у нас разума феноменами своего сознания так же, как наблюдаем за внешним миром.

Доминирующие в когнитивной психологии положения о недопустимости интроспекции и второстепенной роли психических феноменов сегодня не просто неадекватны и странны. Они уже смешны. Дело в том, что сам когнитивизм демонстрирует нам, как, немного модифицировав интроспекцию (подробнее об этом см.: С. Э. Поляков, 2011, с. 15–67), вполне можно преподнести ее в форме «объективного» психологического эксперимента. Для этого достаточно лишь соблюсти некоторые формальные условия. Например, предложить нечто вроде экспериментальной методики и ввести в интроспекцию элементы измерения каких-либо параметров. Главное, не называть все это интроспекцией.

Так, один из основоположников когнитивизма, Дж. Андерсон (2002, с. 122–123), приводит в своей основополагающей монографии по когнитивной психологии в качестве вполне «объективного» эксперимент Р. Мойера (R. S. Moyer, 1973, с. 180–184). Автор измерял в нем время, необходимое для мысленного сравнения ментальных образов разных объектов. Испытуемым предлагалось оценить по памяти относительные размеры двух животных, например лося и таракана, волка и льва. Многие испытуемые сообщали, что, давая оценки, они представляли образы объектов